

Онъ взялъ съ этажерки новый французскій романъ, написанный во вкусъ романовъ Золя, однимъ изъ его талантливыхъ учениковъ—Жюлемъ Гримасаномъ. Фѣдоръ Игнатьичъ купилъ какъ-то вѣсколко книжекъ во французской librairie, потому что ему, какъ медику, понравилось ихъ общее заглавие: „Bibliothèque Naturaliste“. Жюль Гримасанъ писалъ бойко и красиво. Но съ первой же главы Фѣдоръ Игнатьичъ почувствовалъ, что неловко читать вслухъ чистой женщинѣ о томъ, какъ виконтъ Габріэль заманивалъ къ себѣ хорошенькихъ мальчиковъ и душилъ ихъ за горло, наслаждаясь видомъ ихъ судорогъ. Романистъ съ наслажденіемъ и въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ описывалъ, какъ мальчики корчились, „на подобіе обуглившейся бумаги, послѣ того, какъ она сгорѣла на жаровнѣ“. Когда же дошло до описанія мохнатыхъ (velues) ногъ виконта, Фѣдоръ Игнатьичъ прекратилъ чтеніе и сказалъ:

— Но, однако, мерзость! Вотъ такъ пакостникъ этотъ Жюль Гримасанъ!

Раиса давно не слушала. Она сложила руки на животѣ и смотрѣла вдаль своимъ широко-раскрытымъ взглядомъ.

Фѣдоръ Игнатьичъ захлопнулъ книжку и не оставилъ на этажеркѣ, а вмѣстѣ съ другими такими же книжками отнесъ въ кабинетъ.

„Надо будетъ послать Васѣ Рѣзникову“,—подумалъ онъ.

Изъ кухни доносился стукъ ножей и запахъ пригорѣлаго масла. Въ церквахъ звонили. Фѣдору Игнатьичу вспомнилось много такихъ страстныхъ субботъ. Мелькнули картины дѣтства, когда онъ украдкой отъ гувернера, въ красной шерстяной рубашкѣ, пробирался на кухню и тамъ получалъ отъ повара горсть сладкаго миндаля. Потомъ вспомнилась суббота, когда онъ гимназистомъ пріѣзжалъ домой и, преисполненный дѣтскаго вольномыслія, которымъ заразился въ гимназiи, открыто ѣлъ скоромное и пространно доказывалъ, что постная пища вредна. Онъ живо представилъ себѣ свой садъ, по которому онъ бѣгалъ съ братьями и сестрами, когда вотъ точно такъ же ярко свѣтило солнце и пахло весной, а въ воздухѣ разливалась скорбная жалоба деревенскихъ колоколовъ. А та суббота, въ которую онъ пріѣхалъ домой, съ огромной гривой и въ ботфортахъ, и уже не засталъ въ живыхъ отца? Странно, съ того времени прошло не мало лѣтъ, но только теперь онъ понялъ, какъ тогда должно было быть ему грустно и какъ онъ былъ тогда одинокъ. А смерть брата Ефима!..

Онъ торопливо вернулся къ женѣ и, въ порывѣ потребности